

Новикова Т. В.

**ПРЕЗУМПЦИЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ:
ЗНАЧЕНИЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/7-2/52.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 7 (7): в 2-х ч. Ч. II. С. 127-128. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ПРЕЗУМПЦИЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: ЗНАЧЕНИЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

Новикова Т. В.

Кубанский государственный университет

Понятие добросовестности широко используется гражданским законодательством. Оно встречается в институтах виндикации, приобретательной давности, переработки и др. При практическом применении указанных законодательных положений неизменно возникает вопрос об определении добросовестности того или иного субъекта, а стало быть, о доказывании наличия или отсутствия добросовестности. В этой связи особую значимость приобретает презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений. Несмотря на очевидную значимость вопроса, специальные исследования этой темы в науке гражданского права найти крайне сложно, а имеющиеся отдельные высказывания не позволяют составить единого понимания указанной категории. Поэтому в условиях особого интереса ученых к понятию добросовестности актуальным представляется рассмотрение значения и особенностей практического применения презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений.

П. 3 ст. 10 ГК РФ устанавливает: «В случаях, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно, разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагаются». Стоит особо отметить, что данная норма расположена в статье, регламентирующей злоупотребление правом. Данный факт привел некоторых ученых, в частности Н. И. Клейн, к выводу о том, что «неразумное и недобросовестное поведение также приравнивается к злоупотреблению правом» [Комментарий 2002: 32]. Аналогичное высказывание можно найти и у А. Б. Борисова [Борисов 2002: 18]. Не касаясь вопроса о критериях злоупотребления правом, отметим, что презумпция разумности и добросовестности участников гражданских правоотношений имеет самостоятельное значение и, по нашему мнению, должна быть закреплена в отдельной статье ГК РФ.

Являясь следствием общеправовой презумпции правомерности, презумпция разумности и добросовестности применяется, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно. Примером институтов, связывающих определенные последствия с добросовестностью участников гражданских правоотношений, могут быть указанные выше институты виндикации и приобретательной давности. Однако проблема осложняется тем, что вопрос о признании российским законодателем фактического владения в качестве права является спорным и решается скорее в пользу непризнания права владения как самостоятельного права. Но в таком случае неясным останется, что защищается правилами ст. 220, 302 ГК РФ, а презумпция добросовестности почти не получит практического применения.

Мы предлагаем расширительно толковать «защиту гражданских прав» и применять презумпцию добросовестности во всех случаях, когда закон связывает с наличием или отсутствием добросовестности определенные последствия. Подобное мнение можно встретить в рамках исследований отдельных институтов. Так, А. П. Сергеев, рассматривая институт виндикации, указывает на необходимость руководствоваться презумпцией добросовестности приобретателя, т. е. признавать его добросовестным, пока не будет доказано обратное [Гражданское право 2004: 557]. Аналогичную позицию занимает и М. Я. Кириллова [Гражданское право 2001: 307].

Любая презумпция имеет прежде всего процессуальное значение, поскольку распределяет между сторонами спорного правоотношения бремя доказывания. Следовательно, из презумпции добросовестности вытекает, что доказывать недобросовестность поведения должен тот, кто с таким поведением связывает правовые последствия. Суд же исходит из предположения, что лицо, к которому предъявлены требования, действовало добросовестно. Тем не менее, п. 24 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 февраля 1998 г., касаясь истребования имущества у добросовестного приобретателя, когда оно утеряно собственником или лицом, которому было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли, устанавливает: «Собственник должен доказать, что имущество выбыло из его владения или владения лица, которому имущество было передано собственником во владение, в силу указанных обстоятельств. Приобретатель должен доказать, что он приобрел имущество возмездно и что он не знал и не мог знать о том, что имущество приобретено у лица, не имевшего права на его отчуждение» [Постановление 1998: 24]. Таким образом, бремя доказывания добросовестности возлагается на приобретателя. Одним из аргументов в пользу такого положения является сложность для собственника доказать обстоятельства сделки, в которой он не участвовал. По мнению некоторых ученых, в частности М. К. Треушникова, презумпции устанавливаются «в интересах защиты прав стороны, поставленной в более трудные условия с точки зрения доказывания фактических обстоятельств» [Треушников 2004: 62].

Однако в данном случае представляется, что мы имеем дело с другой презумпцией, в правилах которой нашли отражение «объективные, устойчивые, часто повторяющиеся взаимосвязи между явлениями, а также характеристики правоотношений» [Баулин 2004: 230]. Примечателен тот факт, что Верховный Суд РФ для установления добросовестности посчитал достаточным, чтобы из материалов дела было видно, что «объяс-

нения субъектов о том, что они являются добросовестными приобретателями, ничем не опровергнуты» [Определение 2005: 16].

Действительно, в подавляющем большинстве случаев участники гражданских правоотношений добросовестны. Обратившись за примером к институту виндикации, можно легко увидеть, что по общему правилу участники гражданских правоотношений могут совершить неправомерные действия, только не зная и не имея возможности знать об их незаконности. Они не купят вещь у вора. Возложение на них обязанности в случае судебного спора доказать свою добросовестность, заставило бы миллионы людей, ежедневно совершающих сделки, тщательным образом собирать доказательства своей добросовестности. В конечном итоге это повлекло бы последствия более серьезные для оборота, чем даже отсутствие ограничений виндикации. Подобные рассуждения могут быть применены к отношениям, возникающим в рамках любого института гражданского права. Как верно отмечал Б. Б. Черепахин (также в рамках рассмотрения добросовестности в институте виндикации), «гражданский оборот в принципе и по общему правилу является добросовестным оборотом» [Черепахин 2001: 179]. Более того, презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений установлена законом и не может изменяться актами высших судебных инстанций.

Таким образом, представляется не соответствующим закону и не подлежащим применению разъяснение Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ. По нашему мнению, во всех случаях, когда закон связывает определенные последствия с добросовестностью участников гражданских правоотношений, суд должен исходить из презумпции добросовестности. И, кроме того, представлялось бы целесообразным закрепить презумпцию добросовестности и разумности в отдельной статье ГК РФ, что способствовало бы четкому пониманию ее самостоятельного значения и безошибочному ее практическому применению.

Список литературы

- Баулин О. В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. - М., 2004.
Борисов А. Б. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой, части второй, части третьей (постатейный) с постатейными материалами. - М., 2002.
Гражданское право: Учебник / Под ред. Т. И. Илларионовой, Б. М. Гонгало, В. А. Плетнева. - М., 2001.
Гражданское право: Учебник / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. - М., 2004.
Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Под ред. О. Н. Садикова. - М., 2002.
О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 февраля 1998 г. № 8 // Вестник ВАС РФ. 1998. - № 10.
Определение Верховного Суда РФ от 06 декабря 2005 г. № 4-в05-42 // СПС «Консультант Плюс».
Треушников М. К. Судебные доказательства. - М., 2004.
Черепахин Б. Б. Виндикационные иски в советском праве // Труды по гражданскому праву. - М., 2001.

ДИРЕКТОРСКИЙ КОРПУС УРАЛЬСКОЙ ИНДУСТРИИ ПЕРИОДА СТАЛИНСКИХ ПЯТИЛЕТОК КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

*Павлов К. С.
Челябинский государственный университет*

В 30-е гг. прошлого века Урал и Сибирь, обладающие богатейшим запасом природных ресурсов и созданной еще в царские времена промышленной базой, становятся своеобразным «полигоном», на котором разворачиваются ключевые события социалистической индустриализации. XVI съезд ВКП(б), положивший начало развернутому наступлению социализма, констатировал отставание некоторых отраслей промышленности, особенно металлургии. А это естественным образом сдерживало темпы роста машиностроения, железнодорожного транспорта и электроэнергетики [История КПСС 1971: 76-77]. Руководство ВКП(б) и ВСНХ прекрасно осознавало необходимость скорейшего создания на Востоке страны второго (после южного) угольно-металлургического центра СССР, что в свою очередь было сопряжено с проблемой эффективного руководства созданными и реконструированными заводами.

Формирование руководящих кадров промышленности проходило в противоречивых и стихийных процессах первых пятилеток. Будучи полным хозяином предприятия, в ведении которого находились судьбы тысяч рабочих, директор советского завода был беззащитен перед «чистками» и репрессиями 30-х гг. Кроме того, он был вынужден мириться с постоянным надзором со стороны секретаря парткома. Тем не менее, пережив репрессии и годы войны, директора стали составной частью новой элиты советского общества.

До сих пор директорский корпус не становился объектом серьезного научного исследования. Существующие работы по данной тематике обычно являются описанием жизни и деятельности конкретного директора завода, комбината или фабрики. Признавая ценность биографических работ, написанных в русле истории личности, нельзя отрицать необходимость комплексного анализа директоров как особой социальной группы. Это позволит обнаружить закономерности в становлении и развитии данного слоя управленцев, выявить